

Осипов Данила Денисович

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «Самарский государственный

экономический университет»

г. Самара, Самарская область

DOI 10.31483/r-150949

КРИМИНАЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

***Аннотация:** в статье представлен краткий историко-правовой анализ феномена уголовного банкротства в российском праве. Исследование охватывает период от древнейших правовых памятников до начала XX века, демонстрируя эволюцию правовых механизмов противодействия злоупотреблениям при несостоятельности. Автор раскрывает закономерности формирования системы уголовной ответственности за противоправные действия в сфере банкротства, прослеживая трансформацию представлений о видах несостоятельности и критериях дифференциации юридической ответственности. Особое внимание уделяется исследованию диалектики частных интересов кредиторов и публичных задач обеспечения экономической безопасности государства. Результаты исследования могут быть использованы при разработке концептуальных основ развития конкурсного права с учетом национальных правовых традиций и современных экономических реалий.*

***Ключевые слова:** институт банкротства, уголовное банкротство, несостоятельность должника, уголовная ответственность, конкурсное право, экономическая безопасность.*

Актуальность темы исследования обусловлена комплексом теоретических и практических вызовов, связанных с совершенствованием современного законодательства в сфере несостоятельности (банкротства). По мнению автора публикации, историко-правовой анализ генезиса и эволюции института банкротства в России позволит выявить системные закономерности и глубинные при-

чины его современного состояния [1]. В связи с чем, изучение поэтапного формирования составов криминального банкротства и критериев дифференциации юридической ответственности предоставляет ценный материал для решения актуальных проблем квалификации противоправных действий в сфере экономической деятельности [2].

Особую значимость исследованию придает выявленная историческая преемственность в развитии правовых механизмов, балансирующих между частными интересами кредиторов и «публичными задачами» обеспечения экономической безопасности [3]. Понимание данной диалектики необходимо для прогнозирования последствий законодательных новаций и выработки взвешенной политики в области противодействия злоупотреблениям при банкротстве [4]. Таким образом, обращение к историческому опыту способствует формированию целостной концепции развития конкурсного права, адекватной современным экономическим реалиям и одновременно учитывающей национальные правовые традиции и реалии.

Русская Правда содержит древнейшие упоминания о случаях, связанных с несостоятельностью [5]. Согласно ее нормам, неспособный расплатиться должник выдавался кредитору «головой», что означало переход всего его имущества в пользу последнего. Кредитор приобретал неограниченные права в отношении должника, начиная от освобождения его от долга и заканчивая обращением в рабство.

В дальнейшем, правовые нормы, регулирующие несостоятельность, получили развитие в Судебниках и Соборном уложении XV–XVI веков [6]. Ключевой особенностью этого периода стала разработанная законодателем классификация видов несостоятельности, которая предполагала дифференцированный подход к должникам [7]. В основе данной классификации лежал критерий вины и обстоятельств банкротства. Так, выделялась «несчастливая» несостоятельность, возникавшая не по вине самого должника, например, в случае утраты имущества в результате разбойного нападения. Данный вид считался наименее тяжким и влек за собой сравнительно мягкие последствия.

Напротив, «неслучайная» или «злонамеренная» несостоятельность квалифицировалась как значительно более опасное деяние. Она имела место в ситуациях, когда должник умышленно уничтожал или растрачивал имущество, а затем скрывался, чтобы избежать расчетов с кредиторами. Подобные действия причиняли значительный ущерб и рассматривались как тяжкое преступление, влекущее суровую ответственность [8].

При установлении факта «несчастной» несостоятельности к должнику применялась мягкая санкция. Он получал так называемую царскую полетную грамоту, которая предоставляла ему рассрочку в выплате основной суммы долга и освобождала от уплаты процентов. Правовое регулирование второго, «злонамеренного» вида несостоятельности предусматривало передачу должника кредитору для отработки суммы долга [9].

Существенное развитие институт банкротства получил в Соборном уложении 1649 года, которое значительно расширило круг потенциальных банкротов. Теперь к несостоятельным должникам могли быть отнесены любые субъекты, допустившие просрочку денежного обязательства, а не исключительно купцы, осуществлявшие торговые операции с привлеченными средствами, как это было ранее [10]. Учитывая частую недостаточность имущества должника для полного удовлетворения всех требований, законодатель впервые установил четкую очередность платежей. Высшим приоритетом при распределении средств из «конкурсной массы» обладала казна, за ней следовали иностранные займодавцы, и лишь в последнюю очередь удовлетворялись требования российских купцов [11].

Ряд исследователей придерживается точки зрения, согласно которой уголовная ответственность за преступления, связанные с банкротством, возникла в России значительно позже, чем в других странах, и связывает ее появление лишь с законодательством петровской эпохи [12]. Однако приведенный выше исторический анализ опровергает эту позицию, демонстрируя, что первые правовые представления о криминальном характере несостоятельности сформировались гораздо раньше.

Основанием для отнесения начала легализации такой ответственности к периоду правления Петра I, объективно, служит принятие в 1720 году положения «О комиссии коммерции». Впрочем, данный нормативный акт имел достаточно кратковременное действие и вскоре был заменен Банкротским уставом 1740 года. Согласно положениям данного правового акта, несостоятельность определялась как ситуация недостаточности имущества должника для полного расчета с кредиторами [13], что коррелирует с современными условиями [14].

Законодатель сохранил видовое деление, разграничивая несчастную и злостную несостоятельность, причем в состав последней включалось и неосторожное банкротство, совершаемое без прямого умысла. К «несчастливым» банкротам уголовное наказание не применялось, тогда как злостная несостоятельность могла караться вплоть до смертной казни. Во всех случаях имущество должника подлежало распределению среди кредиторов [15]. При его недостаточности вводился установленный порядок очередности, согласно которому последующие кредиторы получали возмещение лишь после полного удовлетворения требований предыдущих. Само взыскание осуществлялось пропорционально объему заявленных требований к должнику.

Что касается санкций, то они имели специфический характер, отличный от традиционных мер ответственности за неисполнение обязательств. В качестве примера можно привести лишение недобросовестных должников права быть опекунами, что свидетельствует о признании их крайней безответственности, не позволяющей доверять им воспитание [16].

К началу XVIII века существовавшая система норм о несостоятельности перестала соответствовать экономическим потребностям и требовала реформирования. Предпринятые в этот период попытки создать адекватную правовую базу, хотя и не привели к принятию комплексных актов, сформировали благоприятную почву для последующего прорыва в законодательном регулировании банкротства, включая его криминальные аспекты. Коренные преобразования в этой сфере произошли в XIX веке. Ключевой вехой данного процесса стал Устав о банкротах 1800 года, который систематизировал лучшие достижения

предшествующего законодательства. Главным преимуществом нового подхода стала детальная регламентация самой процедуры несостоятельности и ее правовых последствий [17].

Устав о банкротах 1800 года закрепил видовое деление несостоятельности на торговую (купеческую) и неторговую (для прочих сословий), установив для каждой из них отдельный правовой режим. Для возбуждения дела о несостоятельности требовалось доказать наличие двух ключевых обстоятельств: фактическую неплатежеспособность лица (приостановку платежей) и его имущественную несостоятельность (недостаточность имущества для покрытия долгов) [18].

Критерием для классификации вида несостоятельности служила вина должника. Несостоятельность признавалась несчастной, если была вызвана непредвиденными обстоятельствами (например, пожаром, наводнением), и влекла за собой полное освобождение должника от обязательств. В отличие от нее, злостная (умышленная) несостоятельность, возникшие по вине самого субъекта, сохраняли за ним обязанность полного расчета с кредиторами.

В рассматриваемый период законодатель отводил кредитору ключевую роль в процедуре несостоятельности, поскольку судьба должника в значительной степени ставилась в зависимость от его усмотрения. Кредитор обладал правом дать юридическую квалификацию деянию должника, то есть самостоятельно отнести его к тому или иному виду несостоятельности, а также определять размер ежегодных выплат.

Принятый в 1832 году Устав о торговой несостоятельности модифицировал предшествующее законодательство, введя концептуальное разграничение между родовым понятием «несостоятельность» и его видовой разновидностью – «банкротством». Новеллой стало освобождение должника из-под полной власти кредитора. Мнение последнего, хотя и продолжало учитываться, приобрело рекомендательный, а не обязывающий характер.

Кредитор более не выступал в роли диктующего условия субъекта, а переходил в положение стороны, обязанной доказывать обоснованность своих тре-

бований [19]. Таким образом, окончательное право квалификации и принятия решений перешло к судебным органам [20].

Устав сохранил традиционную классификацию видов несостоятельности. Несчастные должники, чья несостоятельность возникла при отсутствии вины, освобождались от уголовной ответственности, поскольку сами являлись жертвами непредвиденных обстоятельств. При этом законодатель конкретизировал, что к таковым не относятся коммерческие риски, включая колебания рыночных цен, убытки от реализации неходового товара, утрату груза при транспортировке или последствия недобросовестности поверенных.

Неосторожное (простое) банкротство признавалось при установлении вины должника, но без умысла на совершение подлогов. Мерой воздействия в этом случае служил арест с одновременным запретом на занятие торговой деятельностью. Наиболее тяжкой разновидностью являлось злонамеренное банкротство, которое было сопряжено с фальсификациями. Если в ходе процесса выявлялось, что должник, уже давший судебную присягу, пытался скрыть имущество, он привлекался к уголовной ответственности не только за само банкротство, но и за лжеприсягу. Понятие злостного банкротства по своему содержанию соответствовало деяниям, которые в современном уголовном праве образуют составы преступлений, предусмотренных статьями 195–197 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Следующим этапом правового регулирования стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, положения которого действовали вплоть до 1917 года. Особенностью данного источника было то, что он детально регламентировал состав лишь неторговой несостоятельности, обозначаемой как «злостная». Согласно Уложению, к злостным относились действия должника, наносящие ущерб кредиторам, такие как отчуждение имущества (как возмездное, так и безвозмездное) на имя другого лица, а также искусственное создание фиктивных кредиторов или использование иных способов, причинявших вред законным интересам займодавцев [21].

Согласно нормам Уложения 1845 года, субъектный состав ответственности за злостное банкротство был расширен. Помимо непосредственных исполнителей подлогов, к ответственности могли привлекаться и наследники несостоятельного должника, если они, приобретая права на его имущество, умышленно скрывали его от взыскания в ущерб интересам кредиторов.

Дальнейшее развитие уголовно-правовой доктрины в области противодействия криминальным формам банкротства отразил проект Уголовного уложения 1903 года, который предусматривал целую систему норм о криминальной несостоятельности. Хотя данный акт так и не вступил в силу, его концептуальным преимуществом стал переход от бланкетных к описательным диспозициям, повышавший определенность правовых норм. В проекте была закреплена дифференциация банкротства по форме вины на умышленное и неосторожное, причем субъектом последнего могло быть только лицо, занимающееся торговой деятельностью. В систему санкций, наряду с лишением свободы в виде заключения в исправительный дом или ссылки, также включались дополнительные меры, такие как поражение в правах и телесные наказания [22].

На основе проведенного историко-правового анализа можно сделать следующие выводы.

Эволюция института несостоятельности в России демонстрирует последовательное движение от архаичных частноправовых механизмов, основанных на полном подчинении должника воле кредитора, к сложной системе публично-правового регулирования [23]. Формирование уголовной ответственности за противоправные действия при банкротстве носило не одномоментный, а поэтапный характер, уходя корнями в эпоху Русской Правды и получив свое концептуальное оформление в законодательстве XV–XVII веков.

Ключевой тенденцией развития института стала прогрессирующая дифференциация ответственности, основанная на критерии вины должника. Законодатель последовательно разделял несчастную, неосторожную и злостную несостоятельность, что заложило основы для формирования современных составов преступлений в сфере банкротства [24]. При этом наблюдается устойчивая ли-

ния на усиление охранительной функции государства, выразившаяся в установлении четкой очередности удовлетворения требований кредиторов и постепенном вытеснении диспозитивного усмотрения кредиторов обязательной судебной процедурой [25].

Таким образом, исторический опыт свидетельствует, что эффективное противодействие криминальным формам банкротства возможно лишь при наличии детально регламентированной процедуры, обеспечивающей баланс между интересами должника и кредитора, и четкой уголовно-правовой оценке противоправных деяний.

Список литературы

1. Ланг П.П. Экономическое правосудие в России: традиции и перспективы / П.П. Ланг // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2025. – №3. – С. 52–61. DOI 10.46279/ASMO.2025.79.40.004. EDN XSENEA
2. Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции / Е.В. Михайлова, И.И. Бутрим, К.А. Корсик [и др.]. – М.: Институт государства и права РАН, 2024. – 639 с. EDN YHITSV
3. Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права / С.Ф. Афанасьев, Е.В. Богатова, В.Е. Бондаренко [и др.]. – М.: Институт государства и права РАН, 2024. EDN OUESNO
4. Правотворчество: аксиологические основания и стратегические приоритеты / И.С. Барзилова, М.А. Беляев, А.А. Головина [и др.]. – М.: Русайнс, 2024. – 298 с. EDN TXYKAR
5. Алферова Л.М. Конкурсная правосубъектность должников – физических лиц: особенности реализации отдельными категориями граждан: дис... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 18 с.
6. Актуальные проблемы института несостоятельности (банкротства): взгляд молодых ученых / Е.В. Антонова, М.В. Артанова, Е.Д. Ворникова [и др.]; под ред. С.А. Карелиной. – М., 2019. – С. 11–12.
7. Ланг П.П. Идеи блага в праве / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2020. – №142. – С. 15–19. DOI 10.14451/2.142.15. EDN NVUQPH

8. Ланг П.П. Аксиологические начала права / П.П. Ланг // Российская юстиция. – 2018. – №8. – С. 2–4. EDN XUXMCL
9. Агеева Г.Е. Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел в судах / Г.Е. Агеева, Э.Х. Губайдуллина, П.П. Ланг. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2018. – 216 с. EDN YSJLYX
10. Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания / П.П. Ланг. – Самара: Стандарт, 2021. – 372 с. EDN IFVNSI
11. Михневич А.В. История развития института банкротства в дореволюционной России / А.В. Михневич, А.Н. Оселедко // Достижения науки и образования. – 2018. – С. 44–45.
12. Микова Е.Б. Историко-правовые аспекты формирования института уголовно-наказуемых банкротств в отечественном законодательстве / Е.Б. Микова // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск: Министерство образования и науки РФ; Байкальский государственный университет, 2016. – С. 85–90. EDN WNMPMF
13. Ланг П.П. Институт несостоятельности (банкротства) самостоятельная процедура юридического процесса / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2013. – №55. – С. 43–47. EDN QINWAP
14. Ланг П.П. Состязательность и злоупотребление процессуальным правом в арбитражном процессе: корреляционная связь / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2022. – №169. – С. 14–21. EDN ZYIKOZ
15. Право на жизнь, здоровье, собственность: коллективная монография / Л.А. Андреева, В.В. Батин, К.В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск: НП «СибАК», 2013. – 160 с. EDN TZNUDT
16. Воеводкина К.М. Уголовно-правовая охрана кредитных отношений в России: исторический аспект / К.М. Воеводкина // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2017. – Т. 27. – Вып. 3. – С. 97–106. EDN YTPRPR

17. Процессуальное право: общее и частное: учебное пособие / П.П. Ланг, О.С. Скачкова, Е.Н. Чуракова [и др.]. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. – 184 с. EDN JYMUWQ
18. Институт банкротства: становление, проблемы, направления реформирования / А.Д. Радыгин, А.Е. Гонтмахер, М.Г. Кузык [и др.]. – М.: ИЭПП, 2015. – С. 8.
19. Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – 2022. – 502 с. EDN EGAZUM
20. Кашайкина О.Г. Криминальное банкротство в истории отечественного уголовного законодательства (XI–XVIII века) / О.Г. Кашайкина // Вестник Академии права и управления. – 2012. – №28. – С. 137–142. EDN PMFOXZ
21. Драгунова В.А. Криминальные банкротства: проблемы регулирования / В.А. Драгунова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. (Пермь, январь 2014 г.). – Пермь: Меркурий, 2014. – С. 96–98. EDN SWKTPP
22. Ланг П.П. Особые производства в юридическом процессе (теоретико-правовое исследование): автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / П.П. Ланг. – Казань, 2017. – 22 с. EDN ZQEUOP
23. Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court / G.E. Ageeva, P.P. Lang, A.V. Loshkarev [etc.] // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. – Cham: Springer Nature, 2019. – P. 545–552. DOI 10.1007/978-3-030-00102-5_57. EDN YUFZUQ
24. Ланг П.П. Соотношение и взаимодействие права и морали в регулировании общественных отношений / П.П. Ланг // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. №2А. – С. 172–180. DOI 10.34670/AR.2021.71.85.023. EDN ETSFCN
25. Ланг П.П. Правовые ценности и цифровые технологии: проблема паритета / П.П. Ланг // Юридическая наука. – 2021. – №2. – С. 64–69. EDN GUUCMR